

Е.В. Демчик

Частные торговцы в годы НЭПа: возрождение и гибель профессии (на материалах Сибири)

Как свидетельствует мировой опыт, торгово-посредническая деятельность является необходимой составной частью любой современной экономической системы, а профессия «торговец» относится к числу наиболее востребованных и высоко оплачиваемых. Между тем, в Советской России в течение многих десятилетий в силу существования особой политической модели государственного устройства, абсолютной монополии государственной собственности истинный смысл и содержание этой профессии были деформированы. Либеральные реформы 1990-х гг., возрождение частной собственности и предпринимательской активности граждан сделали необходимым широкое развитие профессиональной торговой деятельности, вызвали известную реабилитацию торговой специальности. В этих условиях закономерно возрос интерес к историческому прошлому данной профессии, увеличилось число научных публикаций, основанных как на общероссийских, так и на региональных материалах, по истории купечества, торгового предпринимательства различных исторических эпох¹.

В этом ряду особо выделяются 20-е гг. XX в., когда в условиях новой экономической политики большевики для восстановления

экономики с целью сохранения собственной власти допустили возрождение частного торгового капитала на короткий период и на особых условиях. Оценка этого явления в течение прошедшего века менялась самым радикальным образом: от традиционного для советской историографии восприятия частной торговли как неизбежного зла, а частных торговцев исключительно в качестве спекулянтов и эксплуататоров², восторженных утверждений публицистики периода перестройки о нэпманах как единственных спасителях отечественной экономики до исследований последних лет³, содержащих разностороннюю оценку деятельности частных торговцев периода нэпа.

В настоящее время позитивная роль торгового сектора в успешном восстановлении российской экономики 20-х гг. XX в. не вызывает сомнений. Вместе с тем, несмотря на обширную историографию, многие аспекты частной торговой деятельности периода нэпа требуют дополнительного изучения. В частности, интерес представляет осмысление самой профессии частного торговца как своего рода феномена советской действительности. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть условия, в которых происходило возрождение профессиональной частноторговой деятельности при переходе к нэпу, определить социальные и экономические составляющие восстановления профессии, охарактеризовать основные черты менталитета частных торговцев 20-х гг. XX в., показать причины исчезновения указанной специальности в конце 1920-х гг.

Источниковую базу работы составили документы центральных и сибирских архивов, переписи населения, материалы периодической печати 1920-х гг. Специфика архивных источников заключается, главным образом, в их опосредованном характере, ведь сами частные торговцы были лишены возможности сдавать свои материалы в государственные архивы, пропагандировать каким-либо образом собственные взгляды. Тем не менее, совокупность имеющихся материалов позволяет довольно полно охарактеризовать возрождение и гибель профессии частного торговца периода нэпа.

Системный кризис, вызванный попытками реализации военнo-коммунистической модели социалистического строительства, подтолкнул большевиков к поискам более эффективной экономической политики. Однако революционные настроения наиболее радикальных и мобильных слоев общества зачастую превалировали над

экономической целесообразностью. Неразвезанные иллюзии возможности скорой мировой революции, победа в гражданской войне, ориентация на стремительные темпы революционных преобразований создавали своеобразную атмосферу революционного романтизма, стремления к уравнительности и справедливому с классовой точки зрения распределению товаров и услуг. В такой обстановке и во властных структурах, и на обыденном уровне во всякой посреднической, торговой деятельности виделись предательство революционных идеалов и контрреволюция. Неприязненное отношение к желавшим разбогатеть многократно усиливалось мощной политической пропагандой советских газет, резко отрицательным личным отношением многих партийных функционеров к возрождавшейся вместе с нэпом торговле и ее атрибутам. Работавший в 1920-е гг. заместителем главного редактора «Торгово-промышленной газеты», впоследствии эмигрировавший во Францию Н.В. Вольский (Валентинов) вспоминал, что «аргументы Ленина за нэп отлетали от партийцев как горох об стены». Главный редактор газеты «Известия» Ю.М. Стеклов, по словам Н.В. Вольского, возмущенно восклицал: «Научитесь торговать!» — мне казалось, что я скорее губы себе обрежу, а такого лозунга не выкину. С принятием такой директивы нужно целые главы от марксизма отрезать»⁴. Подобным образом воспринимало идеи либерализации экономики большинство партийных руководителей.

Поэтому разработанные властью правила допущения частного капитала в экономику в качестве «пособника социалистического строительства» основывались на временном и вынужденном характере этого допущения, подчинении предпринимательской деятельности интересам большевистской власти. Использование частного капитала предполагалось осуществить на второстепенных по важности для народного хозяйства позициях при сохранении государственной монополии внешней торговли и оставлении основных средств производства или, согласно терминологии того времени, «командных высот экономики» в руках государства. Мощным регулятором предпринимательской деятельности явилась кредитно-налоговая политика государства, менявшаяся в течение 1920-х гг. в зависимости от решения властью конкретных задач в отношении частного капитала, но с неизменностью ставившая частный сектор в неравные с государственным

и кооперативным условия. Предоставляя частным предпринимателям значительную степень экономической свободы, государство в то же время лишало их свободы политической и, отчасти, социальной. Согласно действовавшей конституции, лица, использовавшие наемный труд или жившие на «нетрудовые доходы», входили в категорию граждан, лишенных избирательных прав. Они не могли создавать политические организации, вести пропаганду своих взглядов; не имели права служить в армии, занимать должности в государственном аппарате; были лишены социальных гарантий, в частности, — права на пенсию. Дети частных предпринимателей не имели права обучаться в школах с детьми других групп населения. Обладая имущественными правами, коммерсанты должны были оставаться, по сути дела, изгоями общества, строившего социализм.

Специфика возрождения торговой профессии при переходе к нэпу определялась и другими обстоятельствами: неизбежными в условиях недавно завершившейся войны натурализацией хозяйственных отношений и централизацией экономики; предыдущей политикой большевистского правительства, направленной на свертывание торговли и сплошную национализацию промышленности. Ко времени введения нэпа, таким образом, торгового капитала и торгового аппарата в стране практически не существовало. Государственная промышленность, с одной стороны, и сельское хозяйство, с другой стороны, по выражению известного в 1920-е гг. экономиста И. Мингулина, «стояли друг перед другом как два немых гиганта»⁵. В этой ситуации неизбежным стало формирование торгового капитала, преимущественно частного, за счет промышленного, преимущественно государственного.

Крайне нестабильная с экономической и политической точек зрения ситуация, весьма специфические хозяйственные условия определили преимущественные способы и приемы первых частных накоплений, большая часть которых была связана со своеобразной «обратной экспроприацией» государственной собственности. Последнему немало способствовало руководство государственных предприятий, вынужденное из-за недостатка оборотных средств в условиях перехода от централизованной системы главкизма времен «военного коммунизма» к коммерческому расчету продавать, зачастую за бесценок, как накопившуюся на складах продукцию, так

и часть не только законсервированного, но и действующего оборудования. Этим воспользовались предприимчивые посредники. Госторги, не имея широкой товаропроводящей сети, использовали частную розницу для реализации своих товаров.

В Сибири в силу слабого развития здесь собственной промышленности и не успевших нормализоваться связей с центром частные предприниматели наряду с небескорыстной помощью советским хозяйственникам в «разбазаривании» государственных средств, широко распространенной в центре, зарабатывали и приумножали свой капитал, работая контрагентами государственных организаций по заготовке сырья.

Первоначальное накопление частного капитала, вообще говоря, нигде и никогда не отличавшееся особой нравственной чистотой и добродетельностью, в специфических условиях советской действительности приобрело еще более хищнические и варварские черты. Прямой обман граждан и целых организаций, получение кредитов под никогда не существовавшие предприятия, контрабанда и валютные махинации, отчаянная спекуляция, прикрываемое взятками государственным чиновникам расхищение принадлежавших государству разнообразных ценностей и т.п. входили в число способов первоначального накопления частного капитала. В связи с этим коммерсантов начала 20-х гг. в большинстве случаев вполне заслуженно награждали самыми разнообразными нелюбезными эпитетами. Так, «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)» были твердо уверены, что в этом «сбросе без всякой физиономии... собралось все жулье, все социальные отбросы, не приставшие ни к тому, ни к другому берегу, воровавшие и у белых, и у красных, не стеснявшиеся в приемах и средствах»⁶. Профессор Ленинградского университета В.Г. Тан-Богораз тоже не стеснялся в выражениях. «Бритый, в тубетейке, но с сердцем мохнатым, с гориллиными лапами и волчьими глазами, проворный и безграмотный даже по советской фотографии»⁷, — таков, по его мнению, «новый» бизнесмен. Наибольшее раздражение у обывателей вызывала непроизводительность частного предпринимательства, его ориентированность на торгово-посредническую сферу. Явно спекулятивный характер многих коммерческих предприятий настолько бросался в глаза, что стал предметом многочисленных частушек. «Ох, Машенька, что за

нация! Кругом саботаж, спекуляция», — сетовали посетители Иркутского рынка⁸.

Вызванная к жизни нэпом социальная группа частных торговцев в Сибири формировалась за счет бывших служащих, мельников, приказчиков и т.п. — людей, имевших определенные навыки коммерческой деятельности, а также за счет служащих государственных контор разного уровня, совмещавших вначале свою официальную службу с нелегальной деятельностью на ниве бизнеса. Но немало было и таких, кто брался за разного рода торговую деятельность исключительно ради добычи средств для существования: домашние хозяйки, демобилизованные красноармейцы, оказавшиеся на улице после закрытия промышленных предприятий рабочие, «сокращенные» служащие.

Контент-анализ содержащихся в личных делах коммерсантов 20-х гг. сведений, собранных агентурной сетью «Кредит-бюро», и анкетных данных архивов секций частных промышленников и торговцев при товарных биржах⁹ позволяет сделать вывод о том, что наиболее распространенные в прошлом занятия предпринимателей 20-х гг. были связаны с различными видами службы по найму, в том числе, в подавляющем большинстве случаев, в качестве приказчиков торговых предприятий. На долю последних приходилось более 40% от всего числа всех бизнесменов 20-х гг. Смогли возобновить собственное дело в меньших масштабах или заняться другим видом коммерческой деятельности лишь 15% предпринимателей. Остальные же сибирские торговцы 20-х гг. не занимались в прошлом коммерческой деятельностью. По данным переписи 1923 г., 82% из числа владельцев торговых заведений Алтайской губернии не занимались ранее торговлей¹⁰. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других губерниях.

Сопоставление наиболее полных на сегодняшний день сводных списков сибирских дореволюционных торговцев и промышленников, насчитывающих более 7000 фамилий¹¹, с имеющимися в архивных фондах сведениями о действовавших в Сибири в 1920-е гг. коммерсантах (около 2000 фамилий) дает лишь 67 совпадений¹².

Социальное происхождение частных торговцев 20-х гг. было, таким образом, довольно пестрым. Среди «новых» предпринимателей И.Г. Эренбург, например, встречал бывшего помощника присяжного

поверенного, прослужившего два года в наркомате юстиции и вдруг начавшего торговать местами в спальнях вагонов; поэта, читавшего футуристические стихи, а теперь перепродававшего французскую парфюмерию и коньяк; рабочего завода, участника гражданской войны, похитившего вагон мануфактуры и тоже пытавшегося стать коммерсантом¹³. Широкая основа формирования социального слоя «нэпманов» не вызывала сомнения в обществе 20-х гг. «Матрос молодой в руку раненый, на Зацепе торговал рыбой жаренной»¹⁴, — распевали на улицах.

Обыденное восприятие «нэпманов» как людей совершенно новых, рожденных именно изменившимися в связи с новой экономической политикой обстоятельствами, выразила М. Шагинян в своем публицистическом эссе «Что есть нэпман?»: «Первое и главное, чем «нэпман» отличается от дореволюционного купца, это то, что он новый человек. ... Без традиций, без прошлого, без гипноза трафарета, словом, без всякого хвоста (а хвост поднимает пыль) он прокладывает себе дорогу на свежую голову»¹⁵.

Почти полное отсутствие преемственности в социальном плане между дореволюционными и «новыми» коммерсантами объясняется прежде всего активно проводимой большевистским правительством в первые годы советской власти политикой «экспроприации экспроприаторов», в результате которой российская буржуазия и в материальном, и в политическом плане была полностью уничтожена. В этих условиях при либерализации экономической политики в годы нэпа возрождение профессии «частный торговец» началось практически с нуля.

Тем не менее, новым коммерсантам потребовалось лишь два года, чтобы накопить достаточно средств для легализации своего бизнеса. В 1922–1923 гг. в среднем по губернским городам выдавалось до тысячи — тысячи пятисот патентов на занятие торговлей в каждое полугодие¹⁶. К концу 1923 г. на долю частной торговли приходилось 86,8% общей численности торговых предприятий и 51,3% общего товарооборота Сибири. Благодаря усилиям именно частных торговцев в течение весьма короткого времени было восстановлено 70% довоенной численности торговых предприятий региона¹⁷.

Конечно, профессиональный успех сопровождал далеко не всех. Имелось немало случаев, когда открываемые лавки и магазины

«прогорали» в одночасье. На их месте открывались новые предприятия, зачастую такие же экономически беспомощные. Так, например, жительница Ленинска-Омского С.А. Шишук, решившая заняться торговлей фруктами, проторговав только 20 дней, не только не получила никакой прибыли, но и оказалась должна большую сумму денег и вынуждена была продать собственный дом¹⁸. Большинству владельцев магазинов не хватало навыков коммерческой деятельности, таланта, умений держаться «на плаву». Профессиональные традиции дореволюционного предпринимательства оказались прерванными.

Абсолютное большинство частных торговцев 20-х гг. занималось мелкой розничной торговлей, выбирая патенты 1–2 разрядов. Уровень их доходов лишь немногим превышал средний доход на душу населения. Часть из них, едва сводя концы с концами, видимо, без особого сожаления рассталась бы со своими занятиями. Но в условиях безработицы найти другой заработок было весьма проблематично. Оказываясь ежедневно втянутыми в различные формы предпринимательской деятельности, пусть мелочной по своим объемам и характеру, представители этой группы проникались специфической психологией рынка, стремились подняться до уровня крупных коммерсантов.

Торговцев, использовавших наемный труд, в Сибири работало немногим более 500 человек. К середине 1920-х гг., как они полагали, «наступило время и пробил час, когда частному капиталу нужно концентрироваться, чтобы составить целое и неделимое ядро, сильное и способное конкурировать с госорганами»¹⁹. Поэтому предприниматели объединялись в разного рода товарищества. Имевшие широкие торговые связи и возможность маневрировать денежными средствами, эти объединения, подчиняя себе мелочную торговлю, становились монополистами на сибирском рынке. Стиль и уровень жизни представителей этой группы резко отличались от остального населения, а их доходы превышали средние в десятки раз.

Широкую известность приобрело Омское «Западно-Сибирское товарищество» братьев Сергеевых, имевшее 11 представительств в различных населенных пунктах Сибири. Товарищество успешно конкурировало с местными отделениями государственных и кооперативных торговых организаций по купле-продаже продовольственных

товаров²⁰. На хлебном рынке действовали такие крупные частные предприятия, как иркутское «Забайкальское товарищество», омское товарищество «Степь», бийская фирма «Хлебник», красноярские «Торгово-промышленное товарищество» и компании «Гринберг и Шмулевич», «Цехановский и К°», томская фирма «Дистлер и К°»²¹ и другие. На рынке галантерейных товаров одной из крупнейших в Сибири являлась новосибирская фирма «Оборот», возглавляемая М. Порресом, Б. Шеиным и др. Имея своего постоянного представителя в Москве, эта компания вместе с новосибирской фирмой Завольского-Гильверика «Унион» снабжала галантереей не только розничных торговцев города, но и почти всю иногороднюю клиентуру от Урала до Дальнего Востока²². Известными по всей Сибири торговцами мануфактурой являлись: «Иркутское торгово-промышленное товарищество», объединявшее рекордное число совладельцев — 16 человек, барнаульское «Сибирское товарищество», томская компания «Исмаилов, Юнусов и К°», новосибирское товарищество «Мануфактура», красноярская компания «Блохин и Ершов»²³. Среди торговцев железоскобяными товарами на новосибирском рынке широкую известность приобрела фирма «Баканов и Лисицин», постепенно завоевавшая не только городской, но и иногородний рынок, в Омске — товарищество «Скобянник», в Барнауле — возглавляемое Т.Д. Меркушевым товарищество «Железняк»²⁴. Крупных индивидуальных частных торговых предприятий в Сибири насчитывались единицы.

Предметом особой заботы коммерсантов являлось обеспечение профессиональной преемственности собственного бизнеса. Стремясь приобщить детей к своим профессиональным занятиям, торговцы 20-х гг., не ограничиваясь домашним образованием, пытались на собственные средства организовать для своих потомков специальные школы. Дополнительным стимулом для этого являлось законодательство тех лет, согласно которому дети представителей «новой» буржуазии не имели права обучаться в школах вместе с детьми рабочих и крестьян. В Красноярске в октябре 1925 г. была создана комиссия для ходатайства об открытии школы-девятилетки для обучения детей торговцев²⁵. В Новосибирске местные предприниматели неоднократно поднимали вопрос об открытии школы для детей частных торговцев. В ноябре 1925 г. созданная с этой целью школьная

комиссия составила проект постройки на средства частных торговцев школ первой и второй ступени, в которых должно было обучаться 85% детей торговцев и бесплатно — 15% детей рабочих²⁶. В Иркутске при товарной бирже был создан комитет содействия промышленно-экономическому образованию, на нужды которого биржа отчисляла 5% от валового дохода. Осенью 1925 г. на эти средства была открыта школа конторско-торгового ученичества с 32 учащимися. Подготовка велась по двум основным направлениям — финансово-бухгалтерскому и торгово-кооперативному. Помимо обычных школьных предметов — родного языка и литературы, алгебры, геометрии, географии, биологии, химии, физики, учебный план включал изучение коммерческих вычислений, счетоводства, основ хозяйственного права, товароведения и других специальных дисциплин²⁷. 1 сентября 1926 г. состоялся набор еще одной группы учащихся. Однако повсеместно добиться создания школ для обучения своих детей сибирским торговцам не удалось.

Сведения об уровне образования самих торговцев фрагментарны. Перепись населения 1926 г. содержит информацию лишь об элементарной грамотности. По этим данным, 87,6% от общего числа предпринимателей умели читать и писать, что примерно на 10% превышало общий уровень грамотности самостоятельного населения в городах Сибири²⁸. С уверенностью можно сказать лишь о том, что владельцы торговых предприятий с использованием наемного труда были в состоянии сами довольно грамотно заполнить анкеты и декларации и составить балансы собственных предприятий.

Сами условия, в которых развивался частный бизнес 20-х гг., формировали особенности поведения предпринимателей. Весьма точно охарактеризовал государственную политику этого периода в отношении частного капитала принадлежавший к социал-демократическим кругам русской эмиграции 20-х гг. экономист А. Югов: «Сегодня частному промышленнику сдают в аренду предприятие или разрешают торговлю, а завтра, ввиду нового зигзага политики, его разоряют и ссылают к Полярному кругу. Сегодня разрешают частные ОВК, а завтра, придравшись к ничтожным нарушениям формальных норм, их закрывают. Особым декретом демуниципализируют нерентабельные дома, а через несколько лет, после того, как частные владельцы привели дома в порядок, их снова отбирают, так

как они стали рентабельны»²⁹. По мнению С. Кона, одного из авторов вышедшего в 20-е гг. в Праге «Русского экономического сборника», в таких условиях, «когда специально против частного капитала как конкурента государства на экономическом поприще направляется целый арсенал средств — от тягчайших налогов и сборов до отказа в кредите, в отпуске товаров, в перевозке грузов, — тогда на работу в качестве частных торговцев и промышленников могут идти, казалось бы, только авантюристические элементы, причем, нажившись, тут же нажитое богатство и проматывать, ибо копить его на предмет конфискации тем или иным порядком — бессмысленно»³⁰. Поэтому главным и зачастую единственным стимулом для разного рода коммерческой деятельности в 20-е гг. стало получение дохода любым способом из любого предприятия как можно быстрее и во что бы то ни стало.

Одной из отличительных черт частных торговцев 20-х гг. по сравнению с представителями других профессий являлась небывалая мобильность. Большую часть своей жизни они проводили в разъездах на большие и малые расстояния. Подчеркивая эту особенность их деятельности, М. Шагинян, в частности, писала: «Нэпманы разъезжают. Они магнетируют собой огромные русские пространства, избывая их с курьерской скоростью, то на крайний юг (Закавказье), то на крайний север (Мурманск, Енисейск), часто взад и вперед без передышки»³¹. Постоянные разъезды, как в пределах одного района, Сибирского края в целом, так и за границами сибирских территорий, накладывали существенный отпечаток на весь образ жизни коммерсантов 20-х гг. Находясь в постоянном цейтноте, они пытались успеть не столько победить конкурентов, сколько постараться «урвать кусок», пока для этого складывались благоприятные обстоятельства и пока государственная власть предоставляла им такую возможность.

По манерам поведения и уровню культуры социальная группа «новых» коммерсантов включала в себя самые разнообразные типы и характеры, что было неудивительно при столь разнообразных социальных источниках ее формирования. Большинство составляли «нэпманы-демократы», по описанию одного из авторов 20-х гг., — «юркие, жадные, крепколобые и крепкоголовые парни», которым «воздух базара был полезнее и прибыльней атмосферы кафе». В случае

удачной сделки «базарный нэпман», по словам того же автора, «радостно хрюкает», а когда сделка срывается, — «с его уст несется сочное, крепкое, как он сам, русское «словцо». Здесь «мать» звучит в воздухе часто и непринужденно»³². «Нэпманы благовоспитанные, — по описанию того же автора, — в американских котелках и штиблетах с перламутровыми пуговками совершали те же миллиардные сделки в полумраке кафе, где тонкий разговор велся на тонкой деликатности»³³. Здесь звучали французские слова, нередки были учтивые манеры.

Авантюризм и тяга к разного рода махинациям порождались в предпринимательской среде постоянной необходимостью «договариваться» с помощью взяток с работниками государственных хозяйственных структур относительно получения товаров, с фининспекторами — относительно величины налогов, с работниками банков — насчет получения кредитов и т.д. За рамками же этого порочного круга предпринимательская деятельность становилась попросту невозможной. Живую картину процесса подобного «договора» приводит в своих воспоминаниях В.А. Гиляровский: «Вот за шампанским кончает обед шумная компания... Вскакивает, жестикулирует, убеждает кого-то франт в смокинге, с брюшком. Набеленная, с накрашенными губами дама курит папиросу и пускает дым в лицо и подливает вино в стакан человеку во френче. Ему, видимо, неловко в этой компании, но он в центре внимания. К нему относятся убеждающие жесты жирного франта. С другой стороны около него трется юркий человек и показывает какие-то бумаги. Обхаживаемый отводит руки и не глядит, а тот все лезет, лезет...»³⁴.

«Онэпивание» стало настоящей угрозой для партийно-советской номенклатуры. Журнал «Большевик» с тревогой писал о «неустойчивых товарищах», участвовавших в вечеринках с «чуждым элементом», предоставлявших ему поручительство и собственное порокровительство, — словом, устанавливавших «смычку с буржуазным миром»³⁵. Зачастую интересы «новых» предпринимателей и советских хозяйственников настолько тесно переплетались, что создавалось впечатление, что, как те, так и другие, были заинтересованы в сохранении переходного состояния экономики, в котором легче всего было «обдeldывать» сомнительного рода сделки.

Действительно, «новые» коммерсанты не стремились к реставрации дореволюционного строя. Они отнюдь не желали возврата

магазинов тем, кто владел ими до революции. Они даже испытывали своеобразную благодарность советской власти, отобравшей собственность у одних и передавшей право другим, именно им, пользоваться этой собственностью и обогащаться с ее помощью. Как весьма точно выразился один из лидеров социал-демократии 20-х гг. российский эмигрант С. Иванович, «обогащавшиеся элементы» испытывали «некоторую субъективную заинтересованность в существовании советской власти, которая так чудесно вывела их из грязи в князи»³⁶.

Этот «первородный грех» «новой» буржуазии — то, что она образовалась на фоне большевистского переворота, уничтожившего все буржуазные ценности, — по выражению одного из большевистских изданий, «долго еще будет болтаться камнем на шее у всяких попыток построить цельное миросозерцание нового класса»³⁷. Однако, не прошло и трех лет с момента легализации частного бизнеса, как «новые» предприниматели, пройдя по выражению С.О. Загорского, «через огонь «мешочничества», через воду планового хозяйства и через медные трубы хозяйственного расчета»³⁸ и сделав определенные накопления, начали все более отчетливо осознавать подвешенность и ущербность своего положения, бесперспективность своего бизнеса. «Где же наша свобода? — задавал вопрос через «Крестьянскую газету» предприниматель, не рискнувший полностью указать свою фамилию. — Я зажиточный, всегда работаю, днем и ночью нет покоя, беспокоюсь уплатить государственные налоги, вообще стараюсь быть государственным любимцем, а оно, наоборот, за то, что я богатый, лишит меня права голоса, ибо я опасный элемент»³⁹.

Другой, как он сам себя называл «маленький нэпман», в разговоре с одним из авторов «Новой России» так передал собственное мироощущение: «Вы слышали о рыбьем жире? Рахитичному мальчику доктор прописал рыбий жир. Но это же невкусно — тьфу! — паскудство. Так мама ему говорила: «Выпей ложку, я брошу для тебя в сберегательную шкатулку копейку». Мальчик пил каждый день — что можно делать? — копейка пригодится. А когда в шкатулке накапливалось довольно, а мальчик спал, мама вынимала деньги и покупала... рыбий жир. Это же почти как *perpetuum mobile*. Весь наш заработок — это копейка в шкатулке. Когда наполнится, наша советская мамаша выймет, чтобы опять был рыбий жир. Но

мальчик от рыбьего жира поправлялся, а я — посмотрите на меня! — я же чахотка. И у меня больше нет сил платить налоги»⁴⁰.

Что же дальше? Этот вопрос к середине 20-х гг. приобрел жизненно важное значение для большинства частных торговцев, которым уже было что терять и которые мало-помалу приходили к осознанию необходимости твердого соблюдения законов, защищавших от всевозможных посягательств имевшуюся в их руках собственность и сделанные с большим трудом накопления.

В этих условиях наряду с откровенными «рыцарями наживы», жившими одним днем, становилось все больше коммерсантов, пытавшихся следовать лучшим традициям дореволюционного предпринимательства. Они дорожили престижем своего дела, хранили верность слову, стремились добиться прибыли хорошей работой. Некоторые из них пользовались доверием и уважением даже финансовых органов. Нарушение заповедей частной торговли воспринималось в таких кругах как нечто из ряда вон выходящее и становилось предметом публичных разбирательств. Так, общее собрание частных торговцев Красноярска, состоявшееся 25 ноября 1925 г., публично осудило встречавшиеся на рынке единичные случаи, «когда мелкий торговец позволял себе обвесить или обмерить покупателя, что бросает невыгодную тень на всех торговцев»⁴¹. Собрание вынесло решение в случае повторения подобных явлений ходатайствовать перед местным внутроторгом о лишении патентов «запятнавших» себя торговцев.

Стремление к честному бизнесу в предпринимательских кругах было столь очевидным, что имитировалось даже в играх детей, весьма далеких по своему социальному происхождению от «новой» буржуазии. Доктор исторических наук А.П. Марков, детские годы которого прошли в сибирском городе Киренске, вспоминал, что игра «в торговлю» была чрезвычайно популярна в годы нэпа. Причем «владельцы лавки», входя в роль, коренным образом преобразовались, «становясь вежливыми, предупредительными, избегали грубых слов. Говорили «будьте добры», «пожалуйста» и другие слова, которые в обычных условиях употреблялись еще крайне редко. При этом вежливое обращение, как и честная торговля, — подчеркивал А.П. Марков, — были обязательны»⁴².

В отличие от политических руководителей и советских государственных чиновников, твердо уверенных, что «нэпману и кулаку скоро

придет конец», сами коммерсанты питали иллюзии возможности сохранения длительного и даже постоянного альянса с большевистской властью. С одной стороны, без подобных установок им весьма сложно было бы строить свою деятельность, поскольку тогда она не имела бы никакой перспективы и сделанные накопления нельзя было передать по наследству. С другой стороны, само государство, то заигрывавшее с частными предпринимателями и заявлявшее о готовности сотрудничать с ними, то зажимавшее частную инициативу в тесные налоговые и кредитные тиски, давало поводы для таких иллюзий. Помимо этого, люди, занятые в сфере бизнеса, в большинстве своем были твердо уверены в настоятельной необходимости своей деятельности именно для государства и не представляли себе иного общественного строя, кроме того, который бы ориентировался на рыночные отношения. Это питало их надежды на то, что рано или поздно здравый смысл победит, власть «остановится» и примирится с частным торговым капиталом.

Не делая глубокомысленных рассуждений о перерождении и буржуазной трансформации большевистской власти, коммерсанты стремились внедрить своих представителей во властные структуры — налоговые комитеты, отделы местного хозяйства и даже советы, чтобы способствовать принятию конкретных решений в собственных интересах. Что же касается активных политических выступлений против существовавшей власти, заговоров с целью ее свержения или подготовки к таковым, то в Сибири их не удалось обнаружить даже органам ОГПУ⁴³. Встречались лишь отдельные высказывания, кулуарные разговоры, направленные против советской власти, тех коммерсантов, кто понес большие убытки в результате налогового прессинга, либо пострадал каким-то другим образом в результате конкретных действий местных органов власти. Так, известный в Мариинске торговец Ф.А. Волков, в прошлом владелец столярной и скипидарной мастерских, потерявший свое имущество из-за неуплаты налогов, предрекал скорое падение советской власти, называя государственных чиновников «мерзавцами», «жуликами», «головорезами»⁴⁴. Однако случаи таких откровенных публичных высказываний встречались крайне редко, поскольку открыто высказывать подобные взгляды было делом небезопасным.

Частные торговцы 20-х гг. подчеркнуто дистанцировались от дореволюционного купечества, роль которого, по их мнению, по

отношению к государству сводилась к требованию покровительственных пошлин и выгодных заказов. «Новое купечество — это не то купечество, которое давало много материала для типов бессмертных комедий Островского, но мало для пользы общества», — заявлял член иркутского общества взаимного кредита А.М. Свердлов⁴⁵. Болезненно воспринимая высказывания о том, что «нэпманы только против своей воли приносят пользу государству», предприниматели настаивали на том, что они вполне сознательно стремятся «принести посильную помощь в развитии производительных сил нашей республики». Выступая на собрании торговцев Иркутска в мае 1925 г., один из уважаемых в городе предпринимателей Лазебников заявил: «Находясь в Советской России, мы понимаем, что все мы должны стремиться к тому, чтобы работать совместно с властью»⁴⁶.

Рассуждения коммерсантов свидетельствовали о том, что они, несмотря на удаленность от центра, не только были в курсе всех событий и недавних государственных решений, но и видели свое место в их реализации. С удовольствием цитируя рассуждения Л.Б. Каменева о способах разрешения проблем торгового капитала в стране, сибирские торговцы видели себя тем инструментом, который вместе с госторговлей и кооперацией «даст хорошую советскую мелодию»⁴⁷. Параллельно с этим они расценивали частную торговлю как своеобразный кнут для кооперации, заставлявший ее здоровой конкуренцией снижать цены и накладные расходы, т.е. делать то, в чем бессильны все пожелания и резолюции.

В свою очередь государственная власть все отчетливее осознавала, что необходимо было, если не полностью преодолеть противоречие между политической монополией большевистской партии и лишенным политических прав и свобод интенсивно развивавшимся частным сектором экономики, то хотя бы смягчить его. В противном случае был неизбежен процесс массового коррумпирования советских чиновников, лоббирования принятия тех или иных решений в интересах определенных экономических сил. Поскольку предполагалось еще некоторое время использовать частный капитал, со стороны государственного аппарата в 1925/26 г. были предприняты попытки совместных с представителями частного капитала обсуждений перспектив дальнейшего взаимодействия. Так, на расширенном совещании, организованном Иркутским губисполкомом совместно

с местным биржевым комитетом, 350 присутствовавшим там предпринимателям было предложено «высказаться совершенно свободно и откровенно обо всех своих нуждах без страха и боязни за то, что это вызовет какие-либо кары против них»⁴⁸.

В первую очередь претензии коммерсантов к власти касались политически ангажированного налогового обложения, которое в ряде случаев приобретало анекдотические размеры: «покойные» к тому времени фирмы, несмотря на свои мизерные обороты, облагались подоходным налогом по не существовавшим 82 и даже 98 разрядам. Местные налоги и сборы также являлись несопоставимыми по своим размерам для частных предпринимателей и представителей кооперации, не говоря уже об арендной и квартирной платах. Вторая проблема касалась товарного снабжения частного сектора. По словам одного из выступавших, в этом вопросе истинное отношение государства к частному торговцу ощущалось наиболее отчетливо. «Приходишь за покупкой товара, видишь — лежит товар, но когда хочешь его взять, то отвечают, что это Вас не касается, это не для Вас, а для кооперации», — сетовал владелец магазина⁴⁹. Тревожило предпринимателей и будущее их детей, которые, как и их родители, были лишены всех политических и социальных прав, в том числе, что воспринималось наиболее болезненно, — права получать образование.

Главную причину всех этих конкретных проявлений политики неравенства по отношению к «новым» торговцам и их семьям коммерсанты видели в общегосударственной концепции использования частного капитала в ограниченных временных рамках. Они не верили, что реально что-то может измениться в этой государственной политике, «покамест самое занятие торговлей считается вредным» и пока слово «торговец» является «чуть ли не ругательным». Но и в этих условиях «купечество вправе мечтать, — говорил один из иркутских предпринимателей, — что из парней отверженных оно превратится в граждан своей республики, что дети наши не будут стыдиться занятий своих отцов и при поступлении в учебные заведения не будут мечтать о «папе от станка»⁵⁰. Таким образом, радикальное преодоление дискриминационной по отношению к представителям частного капитала государственной политики коммерсанты связывали не только с отдельными мерами организационно-экономического характера, но и с радикальным изменением их политического

статуса в государстве. Призывая властные структуры не мерить всех на один аршин и твердо рассчитывать на плодотворное сотрудничество, предприниматели уверяли, что если условия их деятельности изменятся, отпадет необходимость скрывать действительные обороты предприятий, идти на другие правонарушения.

Преодолев многие присущие периоду первоначального накопления капитала болезни, частный бизнес к середине 20-х гг. начал играть позитивную и созидательную роль в экономике. «Новые» предприниматели продемонстрировали всему обществу свои умения налаживать хозяйственные связи, развивать торговлю, насыщать рынок необходимыми для населения товарами. Эта созидательная роль частного капитала была настолько очевидна, что, несмотря на активно проводимую на государственном уровне антибуржуазную пропаганду и нагнетание враждебности по отношению к «чуждым социалистическому строю элементам», некоторые рядовые граждане откровенно признавались, что не представляют свою повседневную жизнь в будущем без существования в экономике частного сектора. Так, член ВКП(б) рабочий Н.Д. Богомолов в письме на имя И.В. Сталина прямо говорил, что до революции «все было больше», а теперь «сапог нет». «Дали бы частнику свободу, нас бы завалили», — уверял Н.Д. Богомолов. Не стесняясь своих многочисленных ошибок, как он сам подписался — «Ваня Николиевич из Нарыма» предложил правительству «проделать» его предложение: «дать всем вольною торговлю». В коллективном письме на имя А.И. Рыкова рабочие требовали открыть частные заводы, фабрики и частную торговлю. «Частник, не прижатый налогами, все найдет», — писали они⁵¹. Однако людей, враждебно настроенных по отношению к «новым» бизнесменам было несравнимо больше, что создавало социальную опору для проведения государственной кампании вытеснения и ликвидации частного капитала.

Рост прибыли, полученной в 1925/26 г. в частном секторе хозяйства, совпавший с активным поиском источников финансирования индустриализации, положил конец периоду, по выражению исследователей 20-х гг., «нормальной работы» частной торговли. При этом стремление изъять «избыточное» накопление у нэпманов в основном было связано с предубеждением как центрального партийно-хозяйственного аппарата, так и местных советских хозяйст-

венников против частного капитала, заставлявшее относиться к нему с самого начала привлечения в экономику как к неизбежному злу, от которого при малейшей возможности следует избавиться. Иллюзия такой возможности возникла в 1926 г. с провозглашением перехода к реконструкции народного хозяйства, которая на государственном уровне ассоциировалась со свертыванием коммерческих начал в экономике, ликвидацией частной промышленности и торговли. Последнее подстегивалось выдвижением в 1928 г. известного тезиса об обострении классовой борьбы по мере дальнейшего продвижения страны к социализму. В массовом сознании прочно утвердилась иллюзия того, что хозяйственные успехи были достигнуты не благодаря предпринимательской деятельности, а вопреки ей.

Составляющими политики форсированного вытеснения частной торговли и ее ликвидации стало введение в 1926 г. временного, а в 1927 г. постоянного налога на сверхприбыль, увеличение других налоговых выплат, в результате которых налоги превратились из экономических мер регулирования частного предпринимательства в чисто административные меры, поскольку они не только не способствовали развитию предпринимательства, но и прямо вели вместе с повышением арендной платы, прекращением кредитования, регламентацией государством розничных цен в частной торговле и другими мерами к массовому разорению коммерсантов.

Всей совокупностью государственных мер в отношении частного капитала к концу 1927 г. частные торговцы были окончательно поставлены в положение «лишней» социальной группы в обществе. Презрительно именуемые «спекулянтами», владельцы частных предприятий были лишены возможности получения кредитов и многих видов товаров, их договоры с государственными и кооперативными организациями произвольно нарушались последними, железнодорожные тарифы, квартирная плата для них устанавливались на порядок выше, чем для представителей других социальных групп населения, их налоговые выплаты в ряде случаев превышали 70% получаемого дохода.

Поводом к началу кампании по открытой ликвидации частной торговли в Сибири, как и по всей стране, стали трудности в проведении хлебозаготовок 1927/28 г., вызванная ими известная поездка партийной делегации во главе с И.В. Сталиным в Новосибирск зимой 1928 г.,

во время которой так называемым тройкам, наделенным специальными полномочиями, было предписано в обязательном порядке привлекать к уголовной ответственности по статье 107 УК за спекуляцию продуктами сельского хозяйства. При этом поводом к аресту, конфискации товаров и всего имущества частного торговца могла служить скупка им хлеба и других дефицитных товаров в пределах, превышающих потребности индивидуального хозяйства, сокрытие хлеба и другие аналогичные действия. Поводом к аресту зачастую могло служить наличие в магазине большого количества товара.

Способы перекачки средств из частного хозяйства в государственный сектор были официально санкционированы и циркуляром наркомата юстиции и Верховного суда РСФСР от 20 апреля 1929 г. «О мерах борьбы с сокрытием доходов», применение которого на практике привело к обыскам, арестам коммерсантов и их семей, конфискациям имущества и прочим репрессиям. Хозяйственные правонарушения, совершаемые предпринимателями, квалифицировались как преступления с целью свержения советского государственного строя. Действия в отношении частных предпринимателей приобретали все более общий характер и распространялись со сферы непосредственной частнокапиталистической деятельности на бытовой уровень, затрагивая семьи представителей «новой» буржуазии. Дети коммерсантов были «вычищены» из вузов, семьи — выселены из квартир и домов. Широкое распространение получили ночные обыски с последующими арестами. Частный бизнес как таковой стал ассоциироваться с вредительством и злостной спекуляцией, в отношении которых могла применяться высшая мера наказания. Заниматься частнопредпринимательской деятельностью становилось, таким образом, опасно для жизни. Подобные действия привели к фактически полному свертыванию легальной частной торговли, ее уничтожению или переходу частного капитала на нелегальное положение. Административные меры, таким образом, сыграли решающую роль в ликвидации частной торговли.

Все попытки советской пропаганды представить дело таким образом, что якобы частный торговец был вытеснен из экономики в результате своей профессиональной несостоятельности как проигравший в прямом экономическом соревновании с государственным и кооперативным торговыми секторами, противоречат реальным фактам.

Гибкая система цен, подбор соответствовавшего запросам потребителей ассортимента товаров, приспособленные к требованиям покупателей режим работы и месторасположение магазинов, отпуск товаров в кредит, вежливое обращение с клиентами, низкие накладные расходы, личная заинтересованность владельца в успешной работе собственного предприятия делали частную торговлю недостижимой по эффективности для кооперации и государственной торговли. Как довольно точно выразился А.М. Лежава, «кооперации с ее многочисленными наемными служащими, соцстрахом, отпусками и спецодеждой, сторожами и сложной отчетностью противостоял частный торговец с женой за прилавком, собакой вместо сторожа и без всякой волокиты и отчетности»⁵².

Общая сумма изъятых у частных торговцев средств трудно поддается определению, поскольку специального учета и обобщения статистических данных не велось, а конфискуемые денежные средства и имущество зачастую поступали в распоряжение местных исполкомов и тут же распределялись среди неимущих, оседали в фондах исполкомов или направлялись в центральные органы. В целом же можно сказать, что надежды существенно пополнить фонд индустриализации за счет изъятых у коммерсантов средств не оправдались. Гораздо более значительными для экономики стали негативные последствия ликвидации частной торговли. К их числу относится образование, начиная с 1927/28 г., так называемых торговых пустынь, обострение товарного голода на потребительском рынке, поскольку государственный и кооперативный секторы не сумели заменить частный капитал ни в натурально-материальном отношении, ни в образовании постоянных и эффективных разноплановых экономических связей. Удаление частного капитала с легального рынка вызвало нарушение системы равновесия различных хозяйственных элементов, которая начала складываться в экономике к середине 1920-х гг. Невозможность легального сохранения действующего годами сотрудничества кооперации с представителями частного капитала привела к искусственной задержке и деформации кооперативных процессов. Лишенные права легальной коммерческой деятельности торговцы направляли свои сохранившиеся капиталы в кустарную промышленность и промыслы, что привело к образованию широкой сети «лжекооперативов» и «диких» артелей, отчасти

послужило причиной развития так называемой теневой экономики. Кампания по ликвидации частной торговли и общественный резонанс вокруг нее на многие годы вперед обеспечили негативное восприятие гражданами страны любого вида деятельности, связанной с частным бизнесом.

Реабилитация частной собственности и обращение к прагматизму и здравому смыслу в современной экономической политике позволяют еще более отчетливо увидеть весь трагизм ситуации конца 1920-х гг. и понять, что путь цивилизованного развития связан с активным использованием частной инициативы и предприимчивости граждан, широким распространением профессиональной торговой деятельности. Опыт 20-х гг. XX века, впрочем, как и современный, свидетельствует, что для этого необходимы оптимальные с точки зрения экономической эффективности демонополизация и разгосударствление собственности, правовые гарантии коммерческой деятельности, действенная система кредитно-налогового регулирования, преодоление стереотипов пренебрежительного отношения к торговой профессии.

Примечания

- ¹ Купечество в России. XV — первая половина XIX в. М., 1997; Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999; Галаган А.А. История российского предпринимательства. М., 1993; Мартынов С.Д., Павлова О.К. История российского предпринимательства. СПб., 1996; Никифоров О.А. Предприниматели Западной Сибири в общественно-политической жизни страны и региона в 1990-е годы. Томск, 2003; и др.
- ² Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975; Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е — начало 30-х годов. М., 1978; Дудукалов В.И. Развитие советской торговли в Сибири в годы социалистического строительства (1921—1928 гг.). Томск, 1978; и др.
- ³ Килин А.П. Частное торговое предпринимательство на Урале в 1920-е годы. Екатеринбург; 1995; Демчик Е.В. Предпринимательская деятельность нэпманов в Сибири // Вопросы истории. 1999. № 7; и др.
- ⁴ Валентинов Н. (Н. Вольский) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти В.И. Ленина: Годы работы в ВСНХ во время нэп. Воспоминания. М., 1991. С. 66, 67.

- ⁵ Мингулин И. Пути развития частного капитала. М.; Л., 1927. С. 46.
- ⁶ Перимов А. Новая буржуазия и культурная борьба с ней // Известия Сиббюро ЦК РКП(б). 1922. № 49. С. 12.
- ⁷ Тан-Богораз В.Г. В окружении нэпа // Россия. 1922. № 4. С. 12.
- ⁸ Жизнь. 1924. № 1. С. 304.
- ⁹ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 899–1190; ГАКК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 197; Ф. 822. Оп. 1. Д. 130–136; ГАИО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 38–52; ГАНО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 69, 114; ЦХАФАК. Ф. Р–105. Оп. 1. Д. 383, 424, 636.
- ¹⁰ Алтайский ежегодник за 1922–1923 хоз. г. Барнаул, 1924. С. 322–323.
- ¹¹ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: В 4-х т. / Под ред. Д.Я. Резуна, Д.М. Терешкова. Новосибирск, 1994–1999.
- ¹² При сопоставлении учитывались не только фамилия и инициалы, которые могли совпасть случайно, но и другие сведения: месторасположение предприятий до революции и в годы нэпа, коммерческая специализация, прямые указания в документах 1920-х гг. на имевшийся у конкретных лиц в прошлом опыт предпринимательской деятельности и т.д.
- ¹³ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3-х т. Т. 1. М., 1990. С. 430.
- ¹⁴ Жизнь. 1924. № 1. С. 304.
- ¹⁵ Шагинян М. Что есть нэпман? // Россия. 1923. № 6. С. 17.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 1018. Л. 5, 7.
- ¹⁷ Сибирь в 1923/24 году / Под общ. ред. В.М. Лаврова. Новониколаевск, 1925. С. 76, 79; ГАНО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 706. Л. 14.
- ¹⁸ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 912. Л. 6.
- ¹⁹ ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 24.
- ²⁰ ГАОО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 16. Л. 65–67об.
- ²¹ ГАИО. Ф. 806. Оп. 1. Д. 109. Л. 79–79об.; ГАКК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 9. Л. 11об.; ГАТО. Ф. 173. Оп. 2. Д. 1422. Л. 51об.-52.
- ²² ГАНО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 114. Л. 56–59об.
- ²³ ГАИО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1520. Л. 16–16об.; ЦХАФАК. Ф. Р–105. Оп. 1. Д. 133. Л. 14; ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 123. Л. 27; Ф. 1073. Оп. 1а. Д. 46. Л. 56; ГАКК. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 449. Л. 79.
- ²⁴ ГАНО. Ф. 659. Оп. 2. Д. 9. Л. 446; ГАОО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 16. Л. 65–67об.; ЦХАФАК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 32. Л. 9.
- ²⁵ ГАКК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 13. Л. 54.
- ²⁶ ГАНО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 74. Л. 6.
- ²⁷ ГАИО. Ф. 806. Оп. 1. Д. 74. Л. 132–133об.; Д. 82. Л. 58–58об.
- ²⁸ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Отдел 2: Занятия. Т. XXIII: Сибирский край. Бурят-монгольская АССР. М., 1929. С. 18–19, 60–62, 66.

- ²⁹ Югов А. Народное хозяйство советской России и его проблемы // Нэп: взгляд со стороны. М., 1991. С. 301.
- ³⁰ Кон С.С. Опыт советской национализации // Там же. С. 99–100.
- ³¹ Шагинян М. Что есть нэпман. ... С. 18.
- ³² Архангельский Н. Нэпо-град // Россия. 1922. № 1. С. 19.
- ³³ Там же. С. 20.
- ³⁴ Гиляровский В.А. Избранное: В 2-х т. Т. 1. Куйбышев, 1965. С. 154.
- ³⁵ Матч Э. Партийная этика // Большевик. 1924. № 11. С. 19.
- ³⁶ Иванович С. Когда спящий просыпается // Заря. 1922. № 6. С. 161.
- ³⁷ Перимов А. Новая буржуазия и борьба с ней. ... С. 14.
- ³⁸ Загорский С.О. К социализму или к капитализму. Прага, 1927. С. 294.
- ³⁹ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997. С. 245.
- ⁴⁰ Лежнев И. Госшапка // Новая Россия. 1926. № 1. С. 23.
- ⁴¹ ГАКК. Ф. 822. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.
- ⁴² Марков А.П. Как это было (Воспоминания сибиряка). М., 1995. С. 72.
- ⁴³ ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 26–26об.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 2095. Л. 118.
- ⁴⁵ ГАИО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 4. Л. 29.
- ⁴⁶ Там же. Л. 23.
- ⁴⁷ Там же. Л. 30.
- ⁴⁸ Там же. Л. 22.
- ⁴⁹ Там же. Л. 31, 32.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Голос народа... С. 267–268, 274, 321.
- ⁵² Экономическая жизнь. 1924. 31 мая.

Список сокращений

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
ГАИО — Государственный архив Иркутской области
ГАКК — Государственный архив Красноярского края
ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
ГАОО — Государственный архив Омской области
ГАТО — Государственный архив Томской области
ЦХАФАК — Центр хранения архивного фонда Алтайского края